

Священник Михаил Галкин, соавтор декрета об отделении церкви от государства

В своей автобиографии в 1923 году бывший священник Российской Православной Церкви, ставший к тому времени членом партии и одним из руководителей «Союза воинствующих безбожников» Михаил Галкин писал – «тотчас же после октябрьской революции, прочтя в газетах призыв тов. Троцкого к участию в работе с Советской Властью, и отправляюсь в Смольный, к тов. Ленину и прошу его бросить меня на работу где – угодно и кем-угодно, в любой канцелярии, брошенной разбежавшейся интеллигенцией. Владимир Ильич после 10 минутной беседы, в которой, как мне показалось это мне, испытывает мои убеждения, рекомендует от канцелярской работы пока воздержаться, а лучше написать статью в «Правду» по вопросу отделения церкви от государства. Для дальнейшего он направляет меня к В.Д. Бонч-Бруевичу».

В своих различных автобиографиях и анкетах Галкину впоследствии приходилось много врать, один список заведений высших и средних учебных заведений которые он якобы окончил постоянно варьировался, как и многие другие факты его биографии в зависимости от политической конъюнктуры.¹ Пожелания Ленина Галкин выполнил 3 декабря 1917 года в центральной большевицкой газете «Правда» была опубликована статья под названием «Первые шаги на пути отделения церкви от государства». В ней автор, именующий себя «священник» скрывшейся под инициалами М.Г. предложил завёрнутую программу отделения Церкви от государства.

По его мнению «на воинствующий клич церковных реакционеров - так было и так будет- революционный пролетариат должен дать свой ответ». «Священник» составил целую программу и по пунктам обозначил приоритеты.

«Религия объявляется частным делом каждого человека. Церковные и религиозные общины объявляются частными союзами совершенно свободно управляющими своими делами...преподавание Закона Божьего ...не обязательно...метрикация рождений, браков и смертей передается из распоряжения церковей особым органам государственной власти... Провозглашается действующим в Российской республике вневероисповедное состояние. Учреждается институт гражданских браком (декрет об этом следует в первую очередь)... 7 января 1918 года повсеместно в Российской республике вводится григорианский календарь».² Всего одиннадцать пунктов и семь подпунктов.

Автор данной статьи и был действующий православный священник Петроградской «Спасо-Колтовской» церкви³ Михаил Галкин. Биография Михаила Галкина могла бы послужить основой самого непредсказуемого детективного романа. Являясь потомственным «поповичем» Галкин получает образование, и духовное и светское и становится не только священником, но и известным духовным писателем. Его книга о подвижниках благочестия 19 века выпущенная до революции стала бестселлером и в наше время была переиздана⁴. Благочестивые издатели и не ведали, что переиздаваемая книга принадлежит одному из самых лютых и воинствующих атеистов в отечественной

¹ Так из различных анкет Галкина выводило, что он окончил Санкт-Петербургскую Введенскую классическую гимназию. Военно-медицинскую академию, юридический факультет Петербургского университета. Санкт-Петербургскую духовную академию, и заочно Духовную семинарию.

² Правда. 1917. 3 декабря.

³ Церковь Преображения Господня (Колтовская). Новолодожская ул. 8 Данный приход Галкин «унаследовал» у отца. См: Святые Санкт-Петербурга. СПб., 1994. Т.1. С. 214-215.

⁴ Галкин М. На службе Богу. Между миром и монастырем: Очерки и рассказы из жизни русских подвижников 19 столетия. М., 1996. Вообще Галкин был плодовитым писателем только перечень его книг и брошюр в РНБ составляет 58 пунктов.

истории. До революции Галкин вместе со своим отцом также священником, руководил одним из обществ трезвости и издавал в столице антиалкогольную газету.

В 1917 году священник становится «церковным демократом» и издает в Петрограде газету «Свободная Церковь», со страниц которой звучали требования радикальных церковных реформ. После прихода к власти большевиков Галкин сам предложил им сотрудничество, которое было принято. Осенью 1918 года Галкин снимает сан и постепенно становится воинствующим атеистом, а впоследствии одним из лидеров «Союза воинствующих безбожников». Свои многочисленные произведения он публикует под псевдонимом Михаил Горев. Галкин был активным троцкистом, состоял «в распоряжении Троцкого» отвечавшего в Политбюро за церковные вопросы, был редактором газеты «Безбожник». После падения Троцкого Галкин уехал на Украину и там «пропадает без вести» а в действительности занимает разного рода должности от лектора- антирелигиозника до профессора института механизации сельского хозяйства. В 1935 году даже выбывает из партии « по утрате партийного билета» и становится скромным школьным учителем, Галкин понимал во время партийных чисток и репрессий выжить беспартийному легче. После спада арестов в 1938 году Галкин- Горев, теперь это его официальная фамилия, восстанавливается в партии получив строгий выговор за утрату партийного билета⁵. Ему удалось выжить умрет он своей смертью уже после войны.

А ноябре 1917 года Галкин по совету Ленина направляет свое письмо в Совнарком с цитированной выше статьей. «Эту статью прошу поместить на страницах органа, в котором Совет народных Комиссаров признает более целесообразным»... Галкин просил, что статью можно поместить или под его инициалами или под полным именем, но только в «том случае если вы призовете меня к работе в Ваших рядах, так как Вам должно быть понятно, что оставаться после напечатания данной этой статьи среди фанатичной, почти языческой массы мне не представляется больше не одного дня. Я живу с тяжелым камнем полного неверия в политику официальной церкви. Меня тянет к живой работе. Хочется строить, бороться, страдать, торжествовать, а я в своей рясе живой мертвец! И если вы снимите с моей души безмерную тяжесть, снимите как можно скорей,- я буду Вам безмерно благодарен»⁶.

Видимо это письмо удивило даже убежденных атеистов из Совнаркома своим радикализмом, и в том, что таким радикалом является действующий священник, его предложения о комиссарстве было отвергнуто, но 27 ноября на заседании Совета народных Комиссаров в главном предложении Галкина было принято. Постановление Совнаркома звучало. «Письмо Галкина передать в «Правду» для напечатания его с иниц(алами)⁷ Галкина. Поручить тов. Стучке и Бонц- Бруевичу рассмотреть письмо и статью Галкина для переговоров и дать в Сов. Нар. Ком. свое мнение о возможности привлечения Галкина к активной деятельности и на какой пост».⁸

11 декабря 1917 года на заседании Совнаркома была создана специальная комиссия, которая должна «выработать общий план действий» для «ускорения» вопроса об отделении церкви от государства. В комиссию вошли А.В.Луначарский, П.И. Стучка, П.А.Красиков, М.А. Рейснер и священник Галкин, в общем, все люди не случайные, и имевшие, так или иначе, отношения к религиозным вопросам.

«Декрет о свободе совести, церковных и религиозных сообществах» - именно так первоначально назывался знаменитый акт, вошедший в историю под названием «Декрет

⁵ РГАСПИ. Ф 675. Оп.8. Д.1279. (М. Горев - Галкин) Без пагинации

⁶ НИОГ РГБ ф. 369.к.256.(В.Д. Бонц -Бруевич) ед.х.33. Благодарю В.К. Котта за предоставления мне чрезвычайно интересной переписки Галкина с Бонц-Бруевичем.

⁷ В тексте публикации неверная расшифровка сокращения, вместо «инициалов»- «инициативой».

⁸ Из протокола №12 заседания Совета Народных Комиссаров от 27 ноября 1917 г. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917-1941. Документы и фотоматериалы. М., 1996. С.13. Следует отменить эту чрезвычайно содержательную публикацию документов, в тоже время с точки зрения археографии безобразно выполненную.

об отделении церкви от государства и школы от церкви».⁹ Этот документ, принятый 20 января 1918 года, можно назвать плодом совместного творчества действующего православного священника Михаила Галкина и главы Советского правительства Ленина, который собственноручно вписал в него первый пункт - «Церковь отделяется от государства».

Ленин так же внес и другую правку в текст декрета, как смысловую, стилистическую и даже орфографическую, если верить фотокопии машинописного текста. Почти заново Ленин переписал последний 13 пункт декрета. сохранения первоначального текста вообще все церкви можно было закрыть, а их открытие зависело бы от простого желания или нежелания властей.

Декрет отдаленно напоминал французский закон об отделении церкви от государства, принятый под влиянием социалистов в 1905 году. Большевистский декрет был более краток и декларативен, а главное, в отличие от своего французского собрата, не устанавливал механизма его проведения¹⁰.

Еще до публикации этого документа большевики попытались реквизируют помещения Александро-Невской лавры. Однако после ареста настоятеля монастыря монахи ударили в набат, сбежался народ, который и разогнал вооруженных красногвардейцев. Не обошлось и без жертв: первым погиб протоиерей Скипетров, попытавшийся вступить в переговоры с захватчиками.¹¹ Крестный ход прошений в Петрограде после этих событий собрал только на Невском проспекте до 300 тысяч жителей столицы.¹² Большевики отступили, становилось понятно, что революционным наскоком с религией не покончить. Можно с осторожностью предположить, что данная демонстрация была самой массовой акцией протеста за все историю России.

19 января, патриарх выпустил свое знаменитое послание с анафемой, «творящим беззакония»; хотя в тексте слово «большевики» не использовалось, однако всем было ясно, что оно непосредственно направлено против существующей власти.¹³

Впоследствии мнения историков разделились, была ли это анафема именно большевикам или вообще всем «творящим беззакония»? Но спорить об этом стали уже значительно позже: всем современникам было ясно, против кого было направлено послание. Для такого уникального в русской истории акта как анафемствание действующей власти была выработанная «особая формула».

Ответ властей не заставил себя ждать, и 23 января в прессе появился вышеупомянутый декрет «О свободе совести». Декрет нес в себе немало демократических положений, однако по одному из пунктов Церковь лишалась прав юридического лица: такого пункта не было во французском законе об отделении церкви от государства. Французский закон ограничивал права накопления церковных капиталов, но самих прав владения имуществом Католическую Церковь не лишал. И это притом как отмечали специалисты, в то время французский закон был «самым радикальным» законом об отделении Церкви от государства¹⁴.

⁹ Декреты Советской власти. М., 1957. Т.1. С.373-374. В публикации узаконений декрет изменил свое название. Там же.

¹⁰ Ср.: Закон от 9 декабря 1905 года. Общие соображения по поводу отделения церкви от государства М., 2006. С. 277- 381.

¹¹ См. подробнее: *Шкаровский М.В.* Александро-Невская Лавра в годы революционный потрясений (1917-1918). Город на все времена. СПб., 2011.

¹² По церковным оценкам, в манифестации учувствовало до полумиллиона человек; это, в любом случае, гораздо больше, чем вышло на защиту Учредительного собрания. Интересно отметить, что автор новейшей и очень качественной монографии про 1918 год в Петрограде вообще не заметил этого события. См.: Рабинович А. Большевики у власти. Первый год Советской власти в Петрограде. М., 2007.

¹³ Акты Святейшего Патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти 1917-1943. М., 1994. С. 82-85.

¹⁴ Титлинов Б.В. Церковь во время революции... С. 115.

Впрочем, изначально негативный настрой членов Собора по отношению к новым властям, не помешал соборной делегации настаивать на встрече с председателем Совнаркома. Делегация от Собора во главе с А.Д. Самариным ездила и в Петроград, но встреча не состоялась, уклонился Ленин и от встречи в Москве, но тут соборную делегацию приняли. На встрече 12(25) марта со стороны властей присутствовали, управляющий делами Совнаркома В.Д. Бонц - Бруевич, представитель наркомата юстиции Д.И. Курский и народный комиссар по страхованию и борьбе с огнем М.Т. Елизаров¹⁵.

Еще более оптимистично был настроен другой участник встречи профессор Николай Кузнецов, который участвовал от имени Собора и в переговорах с Временным правительством, на заседании Собора он подробно поделился своими впечатлениями от встречи. «Беседа с представителями Совета народных комиссаров...произвела на меня лучшее впечатление, чем разговор в октябре 1917 года с представителями печальной памяти Временного правительства во главе с Керенским. В Керенском чувствовалась двоедушие и неуверенность, что ему должно говорить. Захват церковного имущества в виде зданий и инвентаря церковно- приходских школ был начат именно Временным правительством, и все мои доводы...не находили доступа в душу Керенского...они отскакивали от него, как от стены горох». Представители же Совнаркома, по словам Кузнецова, выразили надежду, что «путем сношений может быть выявлено много недоразумений и могут быть исправлены ошибки, от которых не застрахован Совет народных комиссаров» правда от принципа декрета «они уже не могут отступить». Елизаров даже заявил делегации Собора, что мы «строим социализм в России, Сам Христос был социалистом, и различие наших стремлений лишь в том, что мы проводим социализм принудительным путем». В заключение Кузнецов констатировал, что «народные комиссары, по-видимому, готовы идти навстречу разрешению разных недоумений и исправлению ошибок, связанных с изданием декрета, и даже разъясняет декрет, как они выражаются».¹⁶ Другой член делегации крестьянин Малыгин заявил, что его впечатление от встречи «такого» что отношения комиссаров к Церкви «вполне благожелательное»¹⁷.

«Декрет об отделении церкви от государства может иметь силу только в зависимости от того, как его будут осуществлять»,- записал в свой дневник профессор Юрий Готье прочитав текст декрета в газете.¹⁸ В данном случае профессор Готье был прав: публикация такого документа в демократическом государстве, даже несмотря на некоторые явно сомнительные статьи, не несла бы ничего репрессивного. Более того, репрессии и гонения, впоследствии обрушившиеся на Православную Церковь, шли именно вопреки этому декрету, а не исходили из него.

Еще один удар по духовенству был нанесен тогда же, 10 июля 1918 года была принята Конституция РСФСР в ней согласно пункту 65, 13 главы, «монахи и духовные служители церквей и религиозных культов» полностью лишались избирательных прав,

¹⁵ И в деяниях Собора и в комментариях и в литературе должности и фамилии представителей Совнаркома названы не верно, я предлагаю свой вариант. Так в деяниях Собора Курский именуется Гурским, составители обзора деяний в примечаниях исправили фамилия, но назвали Курского наркомом юстиции, но наркомом юстиции в то время был Стучка, Курский им стал в августе.

¹⁶ Там же. С. 269-271.

¹⁷ Там же. С. 272. По словам Малыгина Бонц- Бруевич ему сказал очевидно имея ввиду эксцессы на местах что «идейных большевиков очень мало, что к ним присосалось немало чуждых элементов, которые с большевиками ничего общего не имеют». Там же.

¹⁸ Готье Ю.В. Мои заметки. М.,1997. С.109.После данной фразы Готье пишет-«думаю что нашу церковь и попов утолстевших и забывших Бога, может вернуть к их обязанностям и вообще поднять церковь только некоторое гонение...». Там же. Следует отметить, что выдающийся историк был, как бы сейчас сказали «воцерковленным» человеком.

становились так называемыми «лишенцами». Данный дискриминационный пункт действовал вплоть до принятия Конституции 1936 года.

Между тем многие положения декрета долго оставались на бумаге, например введение гражданского брака (в данном случае имеется в виду первоначальное, не современное значение этого термина). Если сейчас считается «гражданским браком» когда пара живет вместе без штампа в паспорте, то тогда это называлась просто «сожитием», то, что большевицкий декрет предполагал и называл гражданским браком, брак, зарегистрированный в светских органах без церковного венчания. Хотя видимо уже и в то время термин «гражданский брак» начинал менять свою этимологию. В определении Собора по поводу декрета о браке отмечалось, - «брачные сожития на основании одной только записи в гражданские книги, или так называемые гражданские браки, непременно должны быть освящены церковным венчанием».¹⁹

Наиболее быстрый способ развода - это супружеская измена, но, чтобы развестись, требовалось наличие свидетелей факта прелюбодеяния «виновной» стороны. Естественно, что удостоверить факт «совокупления» проблематично, хотя при наличии денег и связей всегда находились нужные свидетели. Синодские чиновники, занимавшиеся бракоразводными процессами, быстро сколачивали целые состояния.

Современный американский историк Грегори Фриз иронизирует относительно той легкости, с которой находились свидетели супружеской измены: «двери домов в России, «похоже, никогда не запирались».²⁰ Видимо, и после декретов Советской власти ситуация не сильно поменялась.

Естественно, что после революции не все желали использовать столь сложный способ развода. Комиссар Самарской губернии в 1918 году требовал от духовенства «немедленно приступить к исполнению воли народа, т.е. совершать обряды венчания граждан, разведенных гражданским судом по декрету Народных Комиссаров, причем уклоняющиеся от этого будут увольняемы от должности и преданы суду». Значит, священника, не желавшего венчать «сомнительный» брак, могли уволить как государственного чиновника?

Более того в Калуге местный комиссариат вообще издал приказ о наказании священников не желающих венчать граждан расторгнувший предыдущий брак через суд. «Усматривая в этом противодействие декрету Советской власти, объявляю, что в случае отказа в венчании виновные священники будут, подвергается суду революционного трибунала». Вот так, не много немало, за отказ венчать явно сомнительный брак к стенке могут поставить. Правда, тут отдел по проведению в жизнь декрета оперативно среагировал. «Отдел считает нужным отметить что приказ не может быть обоснован ни на одном из законов рабоче- крестьянского правительства. По новым законам совершения обряда венчания является частным делом, не имеющим гражданского значения. Поэтому отказ священника по тем или иным мотивам совершить обряд венчания отнюдь не является противодействием декрету, и Советская власть не должна принуждать священником к совершению каких бы то ни было обрядов».²¹

Хотя декрет о гражданском браке был отдельно издан ранее, еще в декабре 1917 года, но он прошел фактически незамеченным: большевиков тогда всерьез не воспринимали, а в разгар гражданской войны, когда «ленинцы» контролировали центральную часть страны, проблема так называемого «гражданского брака» затрагивала значительную часть населения.

Иногда происходили и курьезные случаи. Так, например, священник Олонецкой губернии А.И. Тихомиров направил письмо Ленину с просьбой разрешить ему вступить

¹⁹ Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917-1918 гг. М., 1994. С. 22.

²⁰ Фриз .Г. Мирские нарративы о священном таинстве. Брак и развод в позднейимперской России // Православие; конфессия, институты, религиозность. СПб.,2009.С.142.

²¹ ГАРФ. Ф.353. Оп.2. Д. 114. Л. 5.

во второй брак, чему воспрепятствовали и патриарх Тихон и правящий архиерей митрополит Вениамин. Священник писал, что искренне желает укрепления диктатуры пролетариата и просил освободить уезд от «черных узурпаторов», то есть монашествующего духовенства. О патриархе Тихомиров писал как о ставленнике «небольшой кучки помещиков, графов, клобуков и других реакционеров».²² Свою просьбу о вступлении во второй брак священник обосновал практически-цинично, так как ему нужна «дешевая рабочая сила... в целях улучшения собственного благосостояния», а наем служанки дорого обходится. Он также просил учесть искренность его пожеланий, а сам желал «многолетия диктатуре пролетариата».²³ Вряд ли это послание прочитал руководитель Совнаркома – письмо отправили в восьмой «церковный» отдел Комиссариата юстиции на «разъяснение». Там данное послание вызвало удивление и неподдельный интерес. То что священник так правдиво изложил свою просьбу путем вступления в семейный союз приобрести дешевую рабочую силу «вызывает доверие к искренности его пожеланий многолетие диктатуре пролетариата» писалась в сопроводительке которая легла на стол Красикова.²⁴

В Тихомирове увидели реального «церковного большевика» и ответили более чем милостиво и «срочно» за личной подписью зав отделом Красикова. Тихомирову сообщили, что согласно декрету «состояние в т.н. священнослужении не является препятствием во вступление в первый и последующие браки...а боязнь Тихомирова притеснителей клобуков и некоторых попов – реакционеров не имеет под собой почвы в советском законодательстве»²⁵.

Традиционно считается, что, придя к власти, большевики сразу развернули атеистическую пропаганду, устроив своеобразный «штурм небес»²⁶. Однако даже если это так очень скоро реальность вернула их на место: в стране, где 95 процентов населения считали себя верующими, такая пропаганда была обречена на не успех. И приходилось действовать более тонко. Еще одним важным пунктом декрета, который повсеместно вызвал негативную реакцию в крестьянской среде это запрет преподавания религиозных дисциплин.

Иногда этот протест принимал причудливые формы, и слухи о том, что новые власти вместо православия провозгласят еврейскую веру. Крестьяне деревни Поддубное направили в Звенигородский исполнительный комитет «запрос» (Так. П.Р.) протестуя в нем против запрета преподавать Закон Божий, ибо от него «больше кротости и меньше греха, и уж не хотят ли жида подогнуть всех русских под свою веру»²⁷ трудно сказать насколько такие слухи были распространены в центральной России, в отличие от южной, где антиеврейские настроения общеизвестны. Возможно, этот случай можно рассматривать в серии типичных слухов в России о переходе в католичество, когда якобы царь или правитель и его приближенные принимают новую веру, и будут требовать это от всего народа, такие слухи циркулировали еще в средневековой России.²⁸ Тем более католицизм в народном сознании не считался христианством, и в этом не сильно отличался от иудаизма.

Не зная как ответить крестьянам, местный Совет переправил данный «запрос» в центр, где на него подробно ответили в «церковном» отделе Комиссариата юстиции.

²² ГАРФ.Ф. 353. Оп.3. Д.761.Л.93.

²³ Там же.

²⁴ Там же.Л.95.

²⁵ Там же. Л.95.

²⁶ См., например: *Алексеев В.А.* «Штурм небес» отменяется Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР. М.,1992.

²⁷ ГАРФ. Ф. 353.Оп.1.Д. 690. Л.29

²⁸ Видимо этот слух коснулся в основном неудачливых правителей Лжедмитрий, Павел. Последний раз этот слух затронул бывшего президента М.С. Горбачева в 2008 году, ему пришлось даже публично опровергать слух о переходе его в католичество.

Разъяснения начиналось с того что обучения Закону Божьему разрешено на дому, далее следовала антибуржуазная риторика о связи церковников с буржуями и кулаками, о том что «духовенство особенно высшее, открыто становится во главе темных сил, стремящихся СНОВА (Так. П.Р.) поработить крестьян, отобрать у них землю». Что касается «еврейской» темы в разъяснении отмечалась что «количество евреев в коммунистической партии и в высших органах управления чрезвычайно ничтожно...каждый об этом может осведомиться в ЦИК»²⁹. В заключении данного документа следовал замечательный текст. «Партии коммунистов большевиков странно слышать подобные речи от людей, претендующих на звания христиан...христианская религия тесно связана с иудаизмом...Ветхий Завет книга...еврейского народа. Религия Христа отвергла национальный принцип в “церкви несть элин или еврей”. Рабочий класс в лице своей науки (марксизм) этот принцип поставил на классовое основание»³⁰.

И если вначале на иррациональный вопрос о переходе в иудаизм, в комиссариате ответили рационально о количестве евреев в органах власти. То, впоследствии так сказать сменили дискурс, и стали уличать крестьян в незнании основ христианской веры цитируя, впрочем, неточно апостола Павла³¹, выставляя себя продолжателями его идей.

Касаясь «еврейской» темы интересно отметить что через три месяца после Октября «Еврейский национальный совет» в Москве, в основном состоявший из духовных лиц и деятелей сионизма, также выступил резко против декрета назвав его гонением на религию и предал анафеме (херему) евреев- большевиков.

В советской России по-прежнему все главные церковные праздники являлись фактически государственными и были выходными (неприсутственными) днями. Иногда, особенно в провинции, и праздновали их вместе. Так, на заседании Устюжского исполкома рассматривали празднование Первояма и Пасхи и постановили в дни последней на неделю прекратить занятия в школе, а на «устройство товарищами красноармейцами праздника Св Пасхи купить по три яйца на человека, один фунт колбасы на четырех и одно ведро на сорок человек водки»³². Трогательное классовое единение, без всякой дискредитации по вероисповедным вопросам.

28 августа 1918 года Комиссариат юстиции выпустил постановление «О порядке проведения в жизнь декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви»³³. Данное постановление или инструкция, как она именовалась одновременно, более подробно изъясняла механизм проведения декрета. Подробно разъяснялась передаче церковного имущества в Советы и оттуда обратно « местным жителям соответствующей религии». Таковых должно согласно инструкции должно быть не менее 20 человек. Именно отсюда появляется известное в церковной среде слово «двадцатки». В инструкции четко разъяснялось что «не предназначенные для богослужбных целей имущества церковных и религиозных обществ, а также бывших вероисповедных ведомств, как то: Кома, земли, угодья, фабрики, свечные и другие заводы, рыбные промыслы, подворья гостиницы, капиталы и все вообще доходные имущества, в чем бы они не заключались,...незамедлительно отбираются от означенных обществ и бывших

²⁹ ГАРФ.Ф. 353.Оп.1.Д.690. Л.29 об-30.

³⁰ Там же.

³¹ « Идеже несть Еллин ни Иудей». В синодальном переводе « Где нет ни Еллина, ни Иудея». Кол. 3.11.

³² Цит. по Кедров.Н. "Государство и церковная община в 1920-е - 1930-е годы: эволюция взаимоотношений в Устюженском районе " Устюжна: краеведческий альманах. Вологда, 2008. Вып. 6. С.178.

³³ Постановление НКЮ «О порядке проведения в жизнь декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви» (Инструкция) 24 августа 1918 г. К истории отделения церкви от государства и школы от церкви в СССР. Документы и материалы... С. 11

ведомств»³⁴. Это был еще один серьезный удар по экономической жизни Церкви, если в декрете следовала размытая формула объявляющая «народным достоянием» то теперь все становилось на свои места, власть просто отбирала себе имущество Церкви.

Среди прочего в инструкции был пункт «о религиозных церемониях и обрядах», где говорилось что в государственных и в иных публично-правовых общественных помещений общественных помещений безусловно не допускается совершения религиозных обрядов и церемоний (молебнов, панихид и проч.) Помещения каких либо религиозных изображений(икон, статуй религиозного характера и проч.)»³⁵ Именно этот пункт отсутствующий в декрете и вызвал наибольшее сопротивление верующих масс.

Иконы должны были быть вынесены также из учебных заведений и с заводов и фабрик. Часто это вызывало большое негодование и, по-видимому, мало исполнялось, особенно в первое время. Видимо попытки выноса икон из общественных учреждений предпринимались и до издания данной инструкции, если верить уже упоминаемому выше докладу Лахостского, однако после данной инструкции он получил юридическое обоснование, однако был обречен на неуспех.

Так, когда на Шуйской фабрике, по инициативе местных большевиков, в 1919 году в цеху были сняты иконы, это вызвало настоящие волнения среди рабочих, которые прекратили работу и потребовали «повесить таковые на прежние места». Фабрика забастовала! Коммунисту Языкову, проводившему эту акцию, пришлось каяться в том, что он приступил к исполнению «неумело и без разрешения Исполкома и партии, а действовал лично от себя, а потому он один во всем и повинен и просит о наказании его, если он заслуживает»

Если уж самый «революционный» класс так реагировал на антирелигиозные акции, то, что тогда говорить о крестьянстве!

Московский окружной комиссар Ярославский сообщал в СНК в декабре 1918 года, что проведение декрета встречает особенно упорное сопротивление в деревне: «целый ряд иногда кровавых столкновений происходит на почве того, что население противится выносу икон и предметов культа из школ». Местные советы, писал комиссар, «часто совсем не считаются с волей подавляющего большинства, а иногда и с единогласной волей», в результате агитация против Советской власти с лозунгом «она во всем согласна с большевиками». В данной цитате интересно отметить, что на местах часто большевики не ассоциировались с советской властью, что в принципе было логично, Советы могли быть многопартийными или отчасти беспартийными.

Касаясь изъятия икон, комиссар, со слов бывшего секретаря Льва Толстова Черткова, сообщал, что в деревне процветает своеобразная форма взятки: «за то что бы не трогать иконы... за икону Иисуса Христа берут пять рублей, за Богородицу меньше».³⁶ В заключение военный комиссар сообщал, что у него есть письма от коммунистов, которые задают один и тот же вопрос: «Есть ли смысл обострять отношения к крестьянской массе по такому вопросу?»

³⁴ Там же. С.14.

³⁵ Там же. С. 16.

³⁶ Там же.